

Царуски Ю.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.3.16525

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Германская революция 1918–1919 гг. в новейших исследованиях и общественном сознании

Аннотация. В современной историографии и в общественном сознании Ноябрьская революция 1918 г. в Германии является «почти забытой революцией», хотя в последнее время намечается определенный рост интереса к ее событиям. Данная статья представляет собой анализ фундаментальных подходов к интерпретации революции. Ссылаясь на актуальные публикации немецких историков, таких, как, например, Александр Галлус, Андреас Виршинг и Вольфганг Нисс, автор подвергает критической оценке как классические предметы дискуссий, так и новые тенденции и направления и, кроме того, уделяет особое внимание отношению между дискурсами о Ноябрьской революции и о мирной революции в ГДР 71 год спустя. В современную эпоху, в которой социалистическая мечта более или менее исчезла, во многом потерял свою прежнюю актуальность и вопрос о том, был ли упущен шанс движения к социалистической революции. Сегодня в центре дискуссии стоит проблема прочности демократической системы, ставшей результатом революции. Тезис о том, что мирная революция 1989 г. в ГДР является первой удачной революцией в Германии, включает в себя косвенную критику Ноябрьской революции. Автор критикует односторонность подобной позиции, не учитывающей сложные исторические условия, при которых произошла первая демократическая революция в Германии новейшего времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Ноябрьская революция, Веймарская республика, демократия, большевизм, социал-демократическое движение, ФРГ, ГДР, СССР, мирная революция.

Review. In modern historiography and in public consciousness the November revolution of 1918 in Germany is considered to be an “almost forgotten revolution”, although lately there has been a rise in interest surrounding its events. This article presents an analysis of the fundamental approaches in interpreting this revolution. Citing relevant publications of German historians, as for example Alexander Gallus, Andreas Wirsching and Wolfgang Niess, the author subjects to a critical evaluation both the classical topics of discussion and the new tendencies and directions. Additionally, the author gives particular attention to the relationship between the discussions of the November revolution and of the peaceful revolution in German Democratic Republic 71 years later. In this age, when the socialist dream has more or less disappeared, the question of whether the socialist revolution had missed its chance has also lost its previous relevance. At the heart of today’s discussions lies the question of the durability of the democratic system that came as a result of the revolution. The idea that the peaceful revolution of 1989 in German Democratic Republic is the first successful revolution in Germany contains within itself an indirect criticism of the November revolution. The author criticises the sidedness of such a position, which does not consider the complexity of the historical conditions surrounding the first democratic revolution in Germany during the modern period.

Key words: Federal Republic of Germany, social-democratic movement, Bolshevism, democracy, Weimar Republic, November revolution, First World War, German Democratic Republic, USSR, peaceful revolution.

Забытая революция?

На вопрос, какое место Ноябрьская революция 1918–1919 гг. занимает сегодня в научных исследованиях и в общественном сознании в Германии, можно сначала дать следующий общий ответ: не очень значительное. Революция, происшедшая 95 лет назад, уже давно считается нелюбимой революцией, поскольку для многих она означала утрату традиционного и высокоценного порядка вещей, а вместе с этим не привела к исполнению

разнообразных надежд действующих лиц этой революции [24, 6]. Гамбургский историк Аксель Шильдт пишет о «её почти всестороннем посмертном неприятии, которое без всяких оговорок было перенесено на результат этой революции, Веймарскую республику, и которое казалось достаточно обоснованным печальным завершением последней» [18, 224]. Однако особенно сильные негативные эмоции сейчас уже не наблюдаются.

В отношении преобладающей сегодня точки зрения наиболее характерным представляется

ся, скорее, название вышедшего в 2010 году сборника. Оно звучит так: «Забывтая революция». Его издатель Александр Галлус пишет: «9 ноября 1918 года оказалось в тени мемориальной культуры. Хотя эта дата символизирует успешный системный переход от монархического к демократическому государственному устройству, от него не исходит сияния. На географической карте памятных мест Германии она хотя и отмечена, но отнюдь не подчеркнута и не обведена жирной рамкой в качестве особой даты истории демократии в стране» [5, 14]. Эти слова относятся к общественной памяти. Историческая наука, разумеется, не существует в полной изоляции от этой последней. И здесь когда-то такие горячие темы, как «Ноябрьская революция» и «Веймарская республика», вышли из моды. Количество вновь появляющихся книг весьма мало. В «Ежеквартальнике по современной истории» («Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte»), ведущем специализированном журнале Германии, за период с 2000 до 2013 г. появилось всего 23 статьи о времени Ноябрьской революции и Веймарской республики, т. е. в среднем 1,8 статьи в год. Если взять все номера, вышедшие с 1953 г., то средний показатель примерно в два раза выше. Было бы, конечно, значительным перебором говорить о «забытии», но снижение интереса не заметить нельзя. К такому же выводу иными путями пришел Александр Галлус, который комментирует это следующим образом: «Эта теперь уже забытая революция заслуживает большего объема общественной памяти и научного изучения, чем то, что уделялось ей в последние десятилетия. Начало было бы положено, если бы как минимум историки начали вновь спорить о ней». Но сейчас они не спорят, во всяком случае, они не спорят на эту тему. Нам поэтому остается пока лишь в общих чертах восстановить то, о чем они спорили раньше.

Классические темы дискуссий

В большинстве случаев конфликты вокруг исторических оценок возникают уже из взглядов и позиций действующих лиц и современников, из их надежд и разочарований. Это, вне всякого сомнения, имеет место в отношении Ноябрьской революции. Вольфганг Нисс в своем вышедшем в 2013 г. крупном исследовании «Революции 1918/1919 года в германской историографии. Интерпретация Веймарской республики вплоть до XXI века» выделил одиннадцать образцов политической интерпретации революции [16].

Этот каталог представляет собой прекрасную базу для описания линий развития историографии и общественного сознания. Ниже представлены оценки, которые дал Нисс, в увязке с собственными интерпретациями. Нисс приводит следующие образцы интерпретации.

1. Предательство по отношению к кайзеру и рейху.
2. Удар кинжалом в спину армии.
3. Предательство по отношению к родине.
4. Национальная катастрофа.
5. Нарушение упорядоченного процесса реформ.
6. Отпор большевистской опасности.
7. Начало социалистической революции.
8. Преданная революция.
9. Упущенный шанс демократизации.
10. Час рождения немецкой республики.
11. Ненастоящая революция [16, 540–542].

Очевидно, что эти идеально типичные образцы частично совпадают. Первые три обозначают позиции антидемократических правых сил. При этом легенда об ударе в спину – это, возможно, самое тяжелое наследие Веймарской республики, являла собой связующее звено между монархистами, жаловавшимися на предательство по отношению к кайзеру и рейху, и новыми националистическими и фашистскими правыми, объединившимися впоследствии в первую очередь в НСДАП. В Германии эти позиции сегодня находят отклик лишь на крайнем правом фланге политического спектра. Само собой разумеется, что «удар кинжалом в спину» входит там в запас идеологических стереотипов, однако правые экстремисты озабочены в первую очередь пропагандой исторической лжи о Второй мировой войне и холокосте. Для историографии Ноябрьской революции названные позиции имеют ценность лишь как объект изучения прошлых дебатов, но не как исходная точка для формирования исторических перспектив.

Оценка революции как «национальной катастрофы», как пишет Вольфганг Нисс, была распространена в первую очередь справа от СДПГ, в католической среде и в кругах либерального бюргерства. Можно добавить, что на этой оценке, вероятно, была основана позиция многих т. н. республиканцев по расчету, смирившихся с республикой по причине отсутствия реалистических альтернатив [26]. Сюда, очевидно, входил и целый ряд представителей старшего поколения историков – в более молодом поколении подобная оценка уже практически не встречается.

Пятая позиция – «нарушение упорядоченного процесса реформ» – приводит нас в область парадигм, являющихся предметом современной дискуссии. Одним из действующих лиц тогдашних событий, представлявшим эту точку зрения, был первый канцлер Германской республики Филипп Шейдеман. Вину за крушение империи он однозначно возлагал на неспособных на проведение реформ сторонников курса на достижение победного мира любой ценой. Эта позиция в первую очередь выделяет значение октябрьской реформы 1918 г., обеспечившей парламентаризацию рейха. Представление о том, что революция была, собственно говоря, контрпродуктивной, поскольку кайзеровская Германия уже находилась на пути реформ, сегодня характерно для некоторых консервативных интерпретаторов.

Шестую точку зрения, ставящую в центр всех революционных событий отражение большевистской угрозы, особенно настойчиво обосновывал Карл-Дитрих Эрдман, который сформулировал ее еще в 1955 г. [2]. Он говорил о совершенно четкой альтернативе: «...или социальная революция в союзе с силами, толкающими ее в сторону диктатуры пролетариата, или парламентская республика в союзе с консервативными силами – например, с офицерским корпусом. Веймарская республика – результат вынужденного союза социалистов и консерваторов. Тезис Розенберга о том, что она по этой причине и закончилась поражением, ибо не была поддержана социальной революцией, неверен, поскольку, наоборот, именно неудавшаяся социальная революция вообще стала предварительным условием того, что она увидела свет в качестве определенного исторического феномена, который мы в ней усматриваем» [3, 7]. Весьма пикантным выглядит тот факт, что через несколько лет после кончины Эрдмана в 1990 г. стало известно, что в период национал-социалистической диктатуры он выступил в качестве соавтора школьного учебника, в котором Ноябрьская революция была представлена в соответствующем свете – как «удар ножом в спину» Германии, нанесенный социал-демократией и еврейством [12]. Антибольшевистский взгляд на Ноябрьскую революцию при одновременной положительной оценке роли СДПГ соответствовал тому антикоммунистическому консенсусу, который преобладал в Федеративной Республике Германии в первые годы холодной войны. Даже если ему нельзя отказать в наличии некоторой рациональности,

очевидно, что и в Третьем рейхе он являлся средством интеграции идеологически ангажированных или как минимум склонных к этому граждан. По словам Вольфганга Нисса, характерная для СДПГ в период революции ярко выраженная антибольшевистская позиция служила прежде всего тому, чтобы «в положительном смысле выделять действия социал-демократии и добиться согласия бюргерства на провозглашение республики» [16, 542]. У Эрдмана этот механизм действует в противоположном направлении: он подчеркивает согласие бюргерства с республикой и оценивает антибольшевистскую позицию СДПГ как ее высшее достижение в революционную эпоху. Соответствующий этому символический рассказ состоит в провозглашении демократической республики Филиппом Шейдеманом 9 ноября 1918 г. в два часа пополудни с балкона на западном фасаде здания Рейхстага. Этим, как он считает, провозглашенная двумя часами позднее Карлом Либкнехтом «Свободная Социалистическая Республика Германия» лишилась своей ударной силы. Однако истинным героем этого рассказа является Густав Носке, чья роль в современной историографии рассматривается, не в последнюю очередь его биографом Вольффрамом Ветте, под значительно более критическим углом зрения [21].

Две следующие интерпретации, «начало революции» и «преданная революция», которые можно встретить в первую очередь среди левых радикалов, в т. ч. и коммунистов, являются в определенном смысле зеркальным отражением шестой позиции. После Второй мировой войны эта версия была распространена во всем советском блоке, и прежде всего в ГДР, однако она стала и частью той картины революции, которой придерживалось возникшее в 60-е гг. движение «новых левых». В поиске общественно-политических моделей, альтернативных по отношению как к капитализму, так и к т. н. реальному социализму, оно проявляло особый интерес к советам и их революционному потенциалу. В период 1960–1980-х гг. эти споры достигли своего апогея, когда не только было опубликовано большое число научных исследований, но и стали доступны такие важные источники, как протоколы «Центрального совета Германской социалистической республики», изданные Эберхардом Кольбом и Рейнхардом Рюрупом [9]. Следует упомянуть масштабную картину революции, которая была представлена в мемуарах председателя Берлинского совета Рихарда Мюллера [14], а также по-

явившееся в 1993 г. издание «Советы рабочих и солдатских депутатов Большого Берлина в революции 1918/1919 года», опубликованное Герхардом Энгелем, и др. [1].

Мотив «преданной революции» встречается не только среди левых радикалов, его подхватил и буржуазный публицист Себастиан Хаффнер. В 1969 г. вышла его книга под названием «Преданная революция» [6]. Для Хаффнера как интеллектуала-антифашиста, эмигрировавшего в 1938 г. в Англию, на первом плане стояла не удавшаяся попытка перехода к социализму, а то, что Нисс идентифицировал как девятый образец интерпретации: «упущенные шансы демократизации». Вопрос о том, что уже в 1918/1919 г. многое не было сделано для того, чтобы создать для республики надежный фундамент, неизбежно возник после прихода к власти Гитлера. Находясь в концентрационном лагере, любекский социал-демократ Юлиус Лебер, участвовавший позднее в заговоре 20 июля 1944 г. и казненный полгода спустя, писал об этом: роковую роль сыграло то, что не были созданы «надежные и преданные молодой республике вооруженные силы и такое же правосудие как минимум в сфере государственных и политических преступлений» [6, 151]. В Пражском манифесте эмигрантского правления СДПГ, появившемся в июне 1934 г., эта мысль имеет центральное значение: «То, что она (т. е. социал-демократия в Ноябрьской революции. – *Авт.*) почти без изменений переняла старый государственный аппарат, было той тяжелой исторической ошибкой, которую совершило дезориентированное за период войны германское рабочее движение» [7, 12]. Автор манифеста Рудольф Гильфердинг в период революции принадлежал к правому крылу НСДПГ, которая выступала с требованиями глубоких социальных преобразований еще до провозглашения парламентской демократии, но не смогла добиться реализации своей программы.

Под этим углом зрения десятая из предложенных Ниссом интерпретаций, а именно «час рождения германской республики», должна была всегда представляться сомнительной, причем именно по той причине, что обеспечить существование республики в течение длительного периода не удалось. Достижения революции бледнеют перед трагическим концом Веймарской республики. И все же следует признать, что ей удалась полная демократизация германского рейха, которую ни в коем случае не обеспечили октябрьские реформы; в частности, было унич-

тожено пресловутое прусское трехклассное избирательное право. Немаловажным является и то, что революция провозгласила избирательное право для женщин, которого, например, француженки должны были ждать до конца Второй мировой войны, а многие жительницы Швейцарии – и еще дольше. Признание работодателями профсоюзов в качестве партнера стало еще одним центральным достижением революции, а с ним и восьмичасовой рабочий день, позднее, правда, вновь оказавшийся под угрозой. Особенно четко это проанализировал Генрих Август Винклер в первом томе своей трехтомной истории рабочего движения в 1918–1933 гг. и в истории Веймарской республики, которая в 2013 г. вышла в переводе на русский язык [23]. Но, несмотря на все достижения Веймара, если иметь в виду его печальный конец, естественно возникает критический вопрос: почему же республике не удалось обеспечить стабильную демократию? Эта проблематика и сегодня сохраняет высокую актуальность. Поле деятельности в первую очередь социал-демократического руководства исследуется на предмет упущенных шансов демократизации. При этом, однако, выходят на первый план огромные задачи, с которыми столкнулось это руководство, прежде всего демобилизация миллионной армии, обеспечение населения продовольствием, борьба за благоприятные условия заключения мира и устройство нового конституционного порядка. Аргумент Шейдемана об отсутствии в таких условиях возможности еще и перестраивать весь государственный механизм не лишен оснований.

То, что страх перед захватом власти коммунистами не имел серьезных причин, сегодня признано большинством исследователей. Несмотря на преодоление антикоммунистического схематизма в духе Эрдмана, надо все-таки указать на то, что опасность большевизма в то время заключалась не столько в коммунистической диктатуре, сколько в развязывании гражданской войны, которая тогда еще бушевала и в России. Когда Вилли Брандт в 1978 г. говорил о «недостатке хватки и решимости» у СДПГ в революции, он выразил позицию, которая находит свое многократное подтверждение и в науке. В этой дискуссии речь уже, однако, идет не об основополагающих системных альтернативах парламентской демократии, а о ее всемерном укреплении. Представители правого крыла НСДПГ видели путь к этой цели в длительном переходном периоде диктатуры советов. Перед установлением

парламентской демократии, при помощи которой буржуазные силы вернули бы себе политический вес, предполагалось задать стратегию дальнейшего развития страны. Эта позиция в НСДПГ была, однако, очень скоро ослаблена быстрым полевением партии по причине огромного притока молодых и радикально настроенных членов, видевших во власти рабочих советов и в Советской России свой идеал. В стратегическом смысле готовое к демократизации страны правое крыло НСДПГ оказалось в значительной степени заблокированным. Помимо этого, лишение несоциалистических кругов политической власти на длительный срок вызвало бы угрозу гражданской войны. Поэтому большинство Всегерманского съезда советов в конце 1918 г. высказалось за скорейший созыв Национального собрания.

Вопрос демократизации по-прежнему находится в центре споров о революции. При этом, однако, существует опасность антиисторического смещения акцентов. Нельзя не видеть, что вопросы социализации, причем отнюдь не только для левых, имели большее значение, чем, скажем, создание нового государственного аппарата, хотя некоторые из лидеров НСДПГ, в частности Генрих Штребель, подчеркивали необходимость решения и этой проблемы [20]. А известный постулат относительно того, что историю Веймарской республики не следует сводить к ее трагическому финалу и рассматривать ретроспективно – с конца к началу, – особенно верен в отношении революции. Потому что в противном случае существует опасность «короткого замыкания» между 1918–1919 и 1933 гг., которое, минуя все 14 лет республики со всеми ее шансами и трагическими моментами, сводит историю Веймарской республики к эпохам ее начала и конца.

Социал-демократическая политика компромиссов со всеми ее слабостями превращается в качестве последней, одиннадцатой из идентифицированных Ниссом позиций в утверждение о том, что Ноябрьская революции на самом деле не была никакой настоящей революцией. По Ниссу, это «диффузная интерпретация с самыми разными обоснованиями», которую разделяют представители несхожих идейных взглядов [16, 543]. Наглядный пример этого продемонстрировал консервативный публицист и историк Иоахим Фест в 1968 г. в большой статье, опубликованной журналом «Шпигель». В ней он, в частности, писал: «Порядок и, как писал Иосиф Хофмиллер, картошка: вот в чем заключалась воля нации. А выразителем ее была социал-демократия. В тес-

ном союзе со старыми силами ее руководство переиграло и подавило меньшинства, искавшие в системе советов шансы нового революционного начала. Таким образом она не только вновь обеспечила политическую легитимацию этих сил, но и провозгласила собственный отказ от изменений общественных отношений» [4, 97]. Вполне элегантно образом он объединил здесь типичную для того времени левую критику с эстетизирующе-надменным жестом превосходства в сторону социал-демократии. Однако продолжительного влияния на историографию эта позиция, обязанная своим существованием не столько познанию, сколько инсценировке социальных дистинкций, не возымела.

Новые тенденции и исследовательские поля

В общем и целом в изучении революции и Веймарской республики, судя по всему, намечается своего рода «оживление», сопровождаемое растущей историзацией. Веймарская республика и ее фатальный конец после десятилетий стабильной парламентской демократии ФРГ, получившей с присоединением ГДР в 1990 г. свое триумфальное подтверждение, отслужили свою службу в качестве отрицательного образца и предупреждающего сигнала. «Веймар уже не является уроком», – констатировал Андреас Виршинг в 2011 г. в статье с характерным названием «От уроков Веймара к урокам холокоста?» [25, 9]. Это обстоятельство, судя по всему, создает благоприятные условия для нового исторического рассмотрения Веймарской республики, которое находит предмет для изучения не столько в центрах политических событий, сколько, скорее, нацеливаясь в культурологическом аспекте на политические ритуалы, историю тела, полов или городской жизни. В этой тенденции в принципе существует опасность деполитизации, но и шанс того, что республика в большей степени будет восприниматься не только как короткий отрезок времени между двумя критическими в политическом отношении точками, но и ее собственная жизнь приобретет больший вес. Одновременно наблюдаются, судя по всему, и попытки осторожного формирования новых подходов к изучению революции, чей столетний юбилей уже не за горами. В этом плане характерен упоминавшийся выше сборник Александра Галлуса о «забытой революции». Как считает Вольфганг Нисс, создается впечатление, что в окружении СДПГ вновь растет осознание значения револю-

ции [16, 418]. Разумеется, эта тема играет важную роль и для Лево́й партии, в окружении которой работают бывшие историки ГДР и левые историки из бывшей Федеративной Республики Германии. В 2009 г. Улла Пленер выпустила книгу о Ноябрьской революции с многозначительным подзаголовком «За буржуазную и социалистическую демократию», в которой представлены результаты конференции, проведенной Фондом имени Розы Люксембург.

«Взгляды участников конференции освободились от узкого подхода КПГ и СЕПГ», – точно комментирует Вольфганг Нисс [16, 585]. Некоторые аспекты дискуссий производят впечатление повторения западных дебатов 60-х и 70-х гг., однако открываются и новые перспективы вплоть до сравнения Ноябрьской революции 1918 г. с мирной революцией в ГДР 1989 г. Вопрос социалистической перспективы Ноябрьской революции и ее социальных движущих сил тем не менее образует очевидный центр тяжести всего сборника.

Одна из существенных причин слабости научного анализа Ноябрьской революции, вне всякого сомнения, заключается в исчезновении конкуренции систем между ГДР и ФРГ, которая всегда была и историко-политической конкуренцией. Постепенно проявляются очертания тех шансов, которые открываются для будущих исследователей. К ним относится и возможность проведения свободной от идеологических шор международной дискуссии о российской и центрально-европейских революциях в конце Первой мировой войны, на которую можно надеяться с учетом приближающихся 100-летних юбилеев.

Общественное сознание

Такие историки, как Александр Галлус и Вольфганг Нисс, занимавшиеся в последнее время темой восприятия Ноябрьской революции, критически указывают на то, что она очень незначительно представлена в общественном сознании и не занимает надлежащего места в немецкой демократической традиции [5, 38; 16, 418]. Против этого утверждения нечего возразить. На самом деле, почти не существует форм мемориализации революции: в искусстве она отсутствует, нет ни посвященных ей памятников, ни памятных дат, правда, за одним исключением – это ежегодные демонстрации в память о Розе Люксембург и Карле Либкнехте, убитых 15 января 1919 г. В данном случае речь идет о коммунистической традиции, существовавшей еще в Веймарской

республике и подхваченной в ГДР. В 1988/1989 г. борцы за гражданские права в ГДР в некоторой степени присвоили себе эту памятную дату. Их связь с ней возникла в первую очередь из-за критики Розы Люксембург в адрес большевизма и ее знаменитой фразы: «Свобода – это всегда свобода для инакомыслящих». В 1988 г. некоторые из них приняли участие в демонстрации СЕПГ, год спустя уже прошла их собственная, не разрешенная СЕПГ демонстрация с количеством участников в несколько сотен человек. В 1990 г. сама СЕПГ выбрала слова Розы Люксембург о свободе в качестве своего лозунга. Правозащитник Вольфганг Темплин выступил с протестом и с плакатом, на котором было написано: «Руки прочь от Люксембург. Вы остаетесь наследниками Сталина» [10,144]. После объединения Германии демонстрация 15 января превратилась в ритуальное действие левых радикалов. Регулярное участие в ней принимали группы самого разного толка – от маоистов и ПДС / Лево́й партии до группировок молодых социалистов в СДПГ. Правда, в последнее время трения между наследниками Сталина и демократическими левыми усилились настолько, что в прошлом году состоялись две отдельные демонстрации в память о Розе Люксембург и Карле Либкнехте, т. н. демонстрации ЛЛ. Молодые социалисты, профсоюзная молодежь, друзья природы и другие принадлежащие к демократическим левым кругам силы не хотели участвовать в демонстрации вместе с людьми, которые у Мемориала социалистов на кладбище Фридрихсфельде провозглашали здравицы в честь Сталина и топтали у стоящего там памятного камня в память о жертвах сталинизма цветы и венки. Какой бы амбивалентной – также и в ее псевдорелигиозном культе мучеников – ни была эта акция, она однозначно фиксируется на одном из самых мрачных событий революционного периода и отражает версию «преданной революции».

В косвенной и не слишком позитивной связи с Ноябрьской революцией находится преобладающий дискурс о мирной революции 1989/1990 гг. в ГДР. Начиная с 2009 года все сильнее проявляется тенденция объявить ее истинной немецкой революцией. Так, например, в тексте на суперобложке книги Вольфганга Шуллера «Германская революция», вышедшей в 2015 г., сказано: «Революция 1989 года была первой германской революцией, на самом деле исходившей от народа: она началась с демонстраций, охватила все слои населения и происходила во всех частях страны» [19]. В документе с выражением позиции полити-

ков из Партии зеленых Ренаты Кюнаст и Катрин Геринг-Экардт встречается абсолютно схожая формулировка: «В 2009 году мирной революции исполнится 20 лет. Она стала первой успешной и мирной революцией в немецкой истории» [13]. А тогдашний министр культуры Бернд Нойман охарактеризовал ее как «единственную удавшуюся революцию в немецкой истории» [15]. В этих тезисах бросается в глаза скрытая направленность против Ноябрьской революции, которая по умолчанию расценивается как «неудавшаяся». Необходимо четко отличать эту позицию от взгляда на события 1989/1990 гг. как на мирную революцию, как это, например, делает Илько-Саша Ковальчук [11, 536–548].

Само определение «мирная» в отношении революции в ГДР по сути своей двусмысленно, ибо мирной она осталась в первую очередь по той причине, что СЕПГ в качестве правящей партии не решилась применить насилие. В городе Киле в октябре 1918 г. все было иначе – там военный комендант Сушон приказал применять против демонстрантов оружие «не считаясь ни с чем». 3 ноября в Киле погибли семь демонстрантов, 29 были ранены, возможно, и встречным огнем со стороны демонстрантов [8]. Оружие было под рукой; как известно, Ноябрьская революция состоялась в конце самой большой на тот момент войны в мировой истории – и это тоже было плохой предпосылкой для «мирной революции».

Только с учетом этих различий может быть найден ответ на вопрос о значении Ноябрьской революции. Она соединяла в себе две установки: с одной стороны, курс на социализм, а с другой – построение устойчивой демократии. Можно исходить из того, что все процитированные выше авторы имели в виду второе. И здесь при сравнениях надо проявлять честность. Революция в ГДР завершилась успехом не в последнюю очередь потому, что она после мужественного и самостоятельного начала могла в растущей степени опереться на устойчивые и надежные структуры и экономическую мощь Федеративной Республики Германии. Такого «большого брата» во время Ноябрьской революции не существовало. Германия была тогда поверженным противником в войне без каких-либо заступников, левые силы были расколоты, а демократы веймарской коалиции очень скоро оказались в меньшинстве. Тем не менее никто не может сказать, как сложилась бы судьба первой германской демократии без мирового экономического кризиса. Ответственность за него возложить на революционеров 1918 г. в любом случае не удастся. Вне всякого сомнения, демократическая революция 1989 г. в ГДР и последовавшее за ней объединение Германии означали конституционное завершение демократизации страны. Однако исторические предпосылки для этого были созданы задолго до этих событий, во время революции 1918/1919 гг.

Библиография:

1. Engel Gerhard, Holtz Bärbel, Huch Gaby, Materna Ingo (Hrsg.). Gross-Berliner Arbeiter- und Soldatenräte in der Revolution 1918/19. Dokumente der Vollversammlungen und des Vollzugsrates vom Ausbruch der Revolution bis zum 1. Reichsrätekongreß. Berlin: Akademie Verlag, 1993. LXXXVI. 958 S.
2. Erdmann Karl-Dietrich. Die Weimarer Republik. Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. Band 19. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980 (перв. изд.: Stuttgart: Klett Verlag, 1973). 331 S.
3. Erdmann Karl-Dietrich. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 3 (1955), H. 1. S. 1–19.
4. Fest Joachim. «Es gibt hier nichts zu schießen!..» Die Deutschen und die Revolution // Der Spiegel. Nr. 45. 04.11.1968. S. 84–105.
5. Gallus Alexander. Die vergessene Revolution von 1918/19 – Erinnerung und Deutung im Wandel // Ders. (Hrsg.). Die vergessene Revolution 1918/19. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 14–38.
6. Haffner Sebastian. Die verrätene Revolution. Deutschland 1918/19. München: Scherz, 1969. 224 S.
7. Kampf und Ziel des revolutionären Sozialismus (Tarnschrift «Die Kunst des Selbststrasierens») // [Электронный ресурс] – URL: <http://library.fes.de/library/netzquelle/rechtsextremismus/pdf/tarnschrift.pdf> (дата обращения: 27.09.2015).
8. [Электронный ресурс] – URL: www.kiel.de/kultur/stadtarchiv/erinnerungstage/?id=94 (дата обращения: 27.09.2015).
9. Kolb Eberhard, Rürup Reinhard (Hrsg.). Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik 19.12.1918 – 8.4.1919. Vom ersten zum zweiten Rätekongress. Leiden: Brill, 1968. LXXVII. 830 S.
10. Künzöl Barbara. Erster Mai und fünfzehnter Januar // Sabrow Martin (Hrsg.). Erinnerungsorte der DDR. München: Beck, 2009. S. 139–147.
11. Kowalczyk Ilko-Sascha. Endspiel. Die Revolution von 1989 in der DDR. München: C.H. Beck, 2009. 602 S.
12. Kröger Martin, Thimme Roland. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. München: Oldenbourg, 1996. 160 S.
13. Künast Renate, Göring-Eckhard Katrin. Freiheit, die wir meinen. 1989–2009, Zum Freiheitsfest der Bundestagsfraktion am 12. August 2009 // [Электронный ресурс] – URL: http://www.gruene-bundestag.de/fileadmin/media/_archivextern/tag_des_mauerbaus_historische_vermittlung/autorinnenpapier_freiheit_die_wir_meinen.pdf (дата обращения: 27.09.2015).
14. Müller Richard. Geschichte der deutschen Revolution. Berlin: Olle und Wolter 1974–1976. 3 Bd. 219, 295, 244 S.

15. Neumann Bernd. Rede von Staatsminister Bernd Neumann bei der 6. Zeitgeschichtlichen Sommernacht der Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur // [Электронный ресурс] – URL: <http://perso.ens-lyon.fr/adrien.barbaresi/corpora/BR/t/1517.html> (дата обращения: 27.09.2015).
16. Niess Wolfgang. Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichtsschreibung. Deutungen von der Weimarer Republik bis ins 21. Jahrhundert. Berlin: De Gruyter, 2013. 627 S.
17. Rosenberg Artur. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt a. M.: Europäische Verlags Anstalt, 1955. 502 S.
18. Axel Schildt. Der lange November – zur Historisierung einer deutschen Revolution // Gallus (Hrsg.). Vergessene Revolution. № 5. S. 223–244.
19. Schuller Wolfgang. Die deutsche Revolution 1989. Berlin: Rowohlt, 2009. 381 S. // [Электронный ресурс] – URL: http://www.rowohlt.de/buch/Wolfgang_Schuller_Die_deutsche_Revolution_1989.2757189.html (дата обращения: 26.10.2014).
20. Ströbel Heinrich. Die deutsche Revolution. Ihr Unglück und ihre Rettung. Berlin: Der Firm, 1922. 236 S.
21. Wette Wolfram. Gustav Noske. Eine politische Biographie. Düsseldorf: Droste, 1987. 876 S.
22. Winkler Heinrich August. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik, 1918 bis 1924. Bonn: Dietz Nachf, 1984. 786 S.
23. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
24. Wirsching Andreas. Die paradoxe Revolution // Aus Politik und Zeitgeschichte. 50–51/2008. S. 6–11.
25. Wirsching Andreas. Vom «Lehrstück Weimar» zum Lehrstück Holocaust? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1–3/2012. S. 9–14.
26. Wirsching Andreas, Weipert Matthias. Vernunftrepublikanismus in der Weimarer Republik. Politik, Literatur, Wissenschaft. Stuttgart: Steiner, 2008. 330 S.

References (transliterated):

1. Engel Gerhard, Holtz Bärbel, Huch Gaby, Materna Ingo (Hrsg.). Gross-Berliner Arbeiter- und Soldatenräte in der Revolution 1918/19. Dokumente der Vollversammlungen und des Vollzugsrates vom Ausbruch der Revolution bis zum 1. Reichsrätekongreß. Berlin: Akademie Verlag, 1993. LXXXVI. 958 S.
2. Erdmann Karl-Dietrich. Die Weimarer Republik. Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. Band 19. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980 (perv. izd.: Stuttgart: Klett Verlag, 1973). 331 S.
3. Erdmann Karl-Dietrich. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 3 (1955), H. 1. S. 1–19.
4. Fest Joachim. «Es gibt hier nichts zu schießen!..» Die Deutschen und die Revolution // Der Spiegel. Nr. 45. 04.11.1968. S. 84–105.
5. Gallus Alexander. Die vergessene Revolution von 1918/19 – Erinnerung und Deutung im Wandel // Ders. (Hrsg.). Die vergessene Revolution 1918/19. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 14–38.
6. Haffner Sebastian. Die verratenene Revolution. Deutschland 1918/19. München: Scherz, 1969. 224 S.
7. Kampf und Ziel des revolutionären Sozialismus (Tarnschrift «Die Kunst des Selbststrasierens») // [Elektronnyy resurs] – URL: <http://library.fes.de/library/netzquelle/rechtsextremismus/pdf/tarnschrift.pdf> (data obrashcheniya: 27.09.2015).
8. [Elektronnyy resurs] – URL: www.kiel.de/kultur/stadtarchiv/erinnerungstage/?id=94 (data obrashcheniya: 27.09.2015).
9. Kolb Eberhard, Rürup Reinhard (Hrsg.). Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik 19.12.1918 – 8.4.1919. Vom ersten zum zweiten Rätekongress. Leiden: Brill, 1968. LXXVII. 830 S.
10. Kőnczöl Barbara. Erster Mai und fünfzehnter Januar // Sabrow Martin (Hrsg.). Erinnerungorte der DDR. München: Beck, 2009. S. 139–147.
11. Kowalczuk Ilko-Sascha. Endspiel. Die Revolution von 1989 in der DDR. München: C.H. Beck, 2009. 602 S.
12. Kröger Martin, Thimme Roland. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. München: Oldenbourg, 1996. 160 S.
13. Künast Renate, Göring-Eckhard Katrin. Freiheit, die wir meinen. 1989–2009, Zum Freiheitsfest der Bundestagsfraktion am 12. August 2009 // [Elektronnyy resurs] – URL: http://www.gruene-bundestag.de/fileadmin/media/_archivextern/tag_des_mauerbaus_historische_vermittlung/autorinnenpapier_freiheit_die_wir_meinen.pdf (data obrashcheniya: 27.09.2015).
14. Müller Richard. Geschichte der deutschen Revolution. Berlin: Olle und Wolter 1974–1976. 3 Bd. 219, 295, 244 S.
15. Neumann Bernd. Rede von Staatsminister Bernd Neumann bei der 6. Zeitgeschichtlichen Sommernacht der Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur // [Elektronnyy resurs] – URL: <http://perso.ens-lyon.fr/adrien.barbaresi/corpora/BR/t/1517.html> (data obrashcheniya: 27.09.2015).
16. Niess Wolfgang. Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichtsschreibung. Deutungen von der Weimarer Republik bis ins 21. Jahrhundert. Berlin: De Gruyter, 2013. 627 S.
17. Rosenberg Artur. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt a. M.: Europäische Verlags Anstalt, 1955. 502 S.
18. Axel Schildt. Der lange November – zur Historisierung einer deutschen Revolution // Gallus (Hrsg.). Vergessene Revolution. № 5. S. 223–244.
19. Schuller Wolfgang. Die deutsche Revolution 1989. Berlin: Rowohlt, 2009. 381 S. // [Elektronnyy resurs] – URL: http://www.rowohlt.de/buch/Wolfgang_Schuller_Die_deutsche_Revolution_1989.2757189.html (data obrashcheniya: 26.10.2014).
20. Ströbel Heinrich. Die deutsche Revolution. Ihr Unglück und ihre Rettung. Berlin: Der Firm, 1922. 236 S.
21. Wette Wolfram. Gustav Noske. Eine politische Biographie. Düsseldorf: Droste, 1987. 876 S.
22. Winkler Heinrich August. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik, 1918 bis 1924. Bonn: Dietz Nachf, 1984. 786 S.
23. Vinkler G. A. Veimar 1918–1933. Istoriya pervoi nemetskoi demokratii. M.: ROSSPEN, 2013. 878 s.
24. Wirsching Andreas. Die paradoxe Revolution // Aus Politik und Zeitgeschichte. 50–51/2008. S. 6–11.
25. Wirsching Andreas. Vom «Lehrstück Weimar» zum Lehrstück Holocaust? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1–3/2012. S. 9–14.
26. Wirsching Andreas, Weipert Matthias. Vernunftrepublikanismus in der Weimarer Republik. Politik, Literatur, Wissenschaft. Stuttgart: Steiner, 2008. 330 S.